

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

КОММУНИКАЦИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ШКОЛ И PATH DEPENDENCE РОССИЯ И ИТАЛИЯ

В статье рассматриваются характеристики органически связанных, хотя и разделенных в пространстве и времени историографических школ: в России и Италии. Рассматриваются исследования как специалистов из Италии, для которых объектом изучения была их отечественная история, так и итальянцев в России, бывшем Советском Союзе, анализируются подходы к исследованию общества периода появления массовых источников. Прослеживаются возможные взаимосвязи и параллели.

Ключевые слова: школа в историографии, научные коммуникации, path dependence.

Объяснению парадоксов успешной коммуникации историографических дискурсов России и Италии в настоящий момент не посвящено ни одного исследования, несмотря на всю очевидность параллелей.

По мнению автора данной работы, и сам образ исторической науки, и возможности создания коммуникативных сред во взаимодействии как отдельных специализаций внутри национальной школы историографии, так и предпосылки коммуникативных процессов между различными национальными историографиями во многом определяются не просто базовыми традициями этих школ, а традициями активными и формирующими, проявляющимися вне зависимости от некоторой исторической конъюнктуры, т.е. тем, что в современной историографии получило название зависимости от пройденного пути: *path dependence*¹. Понятие это возникло в недрах экономической истории, но совершенно непонятно, почему оно до сих пор там и остается. Этот концепт нужен историографии, поскольку он содержит коннотации, отличные от представления о традиции. Зависимость пройденного пути проявляется тогда, когда исчерпываются объективные предпосылки формирования и поддержания традиции, а приверженность ей остается ощутимой.

При сходе этих зависимостей от накопленного опыта, взаимодействие двух социальных институтов, как и взаимодействие научных школ, является возможным. Именно такое взаимодействие между итальянской исторической наукой и исторической дисциплиной, развивавшейся в русскоязычной среде в СССР и особенно советской России по темам

¹ См.: интересный анализ этой проблемы в статье: Торстендаль. 2011.

постоянно актуальным для обеих историографий, на мой взгляд, следует отметить как весьма интересный сюжет в истории науки.

Речь идет и о взаимодействии по линии изучения итальянистики (в приоритетный период социокультурного доминирования Италии в Европе – Средневековье и Ренессанс, прежде всего), и об общем интересе к методикам изучения и фиксации массовых источников ввиду того, что практика исторических исследований в каждой из стран базировалась на описательной парадигме, и был накоплен грандиозный массив первичных данных, требовавших новых методик (или же полной смены парадигм, чего не могло произойти благодаря влиянию той самой зависимости от пройденного пути).

В данной работе акцентируются как общие тенденции развития историографии и университетской культуры обеих стран, так и частные случаи, точки соприкосновения историографических полей: например, методика описания ряда кризисных моментов итальянской истории, активно изучавшихся не только в Италии, но и в России.

Обратим внимание на то, что взаимодействие двух научных культур могло бы быть доказано самим фактом идеальной интеграции российского ученого в итальянскую научную среду после революции 1917 года, и его успешной влиятельной деятельности. В своих исследованиях начала прошлого века Н.П. Оттокар разработал широкую панораму развития коммуны на протяжении нескольких столетий. Повторим, что полный расцвет творчества этого ученого пришелся на годы эмиграции и оказал гораздо большее влияние на развитие медиевистики в Италии, чем в России, о чем свидетельствует тот факт, что статью «коммуна» для первой многотомной итальянской энциклопедии XX столетия было доверено подготовить именно Н.П. Оттокару².

Мы же обратимся к послевоенному периоду развития историографии средневековой коммуны в нашей стране и сравним ее основные направления с итальянскими исследованиями того же периода. Именно в советский период тема коммун стала одной из приоритетных, и целая плеяда историков проливали свет на страницы истории итальянской общины города и деревни. Причем следует отметить, что в 1960–70-е гг. контакты отечественных историков с итальянскими коллегами были весьма успешными и плодотворными. Не случайно среди авторов многотомной энциклопедии истории Италии есть имена российских медиевистов. В советской школе историографии, как и в любой другой, господствовали определенные схемы, тем не менее, итальянисты, которые

² *Ottokar*. 1948.

работали в 1960–70-е гг., существенно различались по исследовательской манере. Вклад российских ученых действительно был самобытным, и в то же время тесные контакты российских и итальянских историков открывали новые возможности научного обмена, результаты которого сказывались на протяжении десятилетий.

Несмотря на то, что в отечественной историографии коммунальное движение было одним из излюбленных сюжетов, именно вопрос о происхождении средневековой итальянской коммуны, черты преемственности в ее истории, на мой взгляд, не получили четкого отражения.

Мне хотелось бы подробнее рассмотреть вклад Л.А. Котельниковой в изучение истории сельских и городских общин Севера и Центра Италии X–XV вв.³, который весьма высоко оценивался международной научной общественностью, прежде всего в самой Италии, в 1970-80-х гг. В своих исследованиях Котельникова справедливо обращала внимание на то, что одним из наиболее примечательных фактов итальянской истории периода расцвета феодализма было повсеместное существование не только городских, но и сельских коммун. Котельникова отстаивала идею преемственности между общиной и сельской коммуной как социальными явлениями. Во многом видная представительница отечественной историографии закрепляла в российской науке определенный стиль трактовки данной проблемы, характерный для первой половины XX века в Италии, в частности в ее работах чувствуется влияние некоторых работ представителей школы экономико-юридических исследований, о которых будет подробнее сказано ниже. Вообще следует отметить, что многие годы индекс цитируемости итальянских авторов был выше, чем показатели обращения советских авторов к любой другой иностранной историографии, и даже к собственным истокам – представителям дореволюционной науки.

Интенсивные контакты реализовались между двумя странами и в годы холодной войны, и процветали до середины 1970-х – начала 1980-х гг. Общим для двух школ было фокусирование внимания на перестройке социального фундамента жизни городов-коммун, которая в обеих этих историографических школах связывалась с более или менее вольной трактовкой марксизма, понятием класса, социального слоя и интегрирующего коллектива как антропоморфного единства.

В плане компаративного анализа наиболее интересным представляется материал, связанный с развитием тенденции либерального марксизма в юридико-экономической мысли в Италии, которая не только была известна в России, но и входила в курс обязательной программы озна-

³ См., прежде всего: *Котельникова*. 1967; 1987.

комления с зарубежной историографией, а также имела реальный вес в советской итальянистике и медиевистике до 1980-х гг., что примерно соответствует годам сохранения авторитета этой точки зрения в Италии.

В особенности показателен сюжет, который я условно называю «коммуны и коммунисты»: это изучение темы итальянской городской общины в либеральной (марксистской) мысли в Италии и СССР.

Одним из специфических эффектов историографического развития этого времени следует признать освоение количественных методов – не в качестве подсобного инструмента, а как базового метода и даже образа мысли ученых. Особую роль играла климетрия и в плане создания коммуникативного поля науки – взаимодействия между отдельными дисциплинами и специализациями, а также между национальными и региональными историографическими школами и университетскими культурами.

Стереотипные представления о субъектах истории – отражают пристрастие к антропоморфизму. И совершенно прав В. Вжосек, констатируя, что даже специалистам-историкам, независимо от их происхождения и специфических культурных стереотипов, присущ глубинный стереотип, состоящий в восприятии субъектов истории, не являющихся людьми, по образу и подобию человека⁴. Этими антропоморфными чертами наделялись классы и нации, а в недавней истории отечественной науки был курьезный пример метафоры формации, а именно метафоры опрокидывающейся формации, применительно к кризисам развития Италии.

Я не предполагаю детально проанализировать здесь допуски привлечения антропоморфной метафоры к анализу исторического определения субъектов действия, акторов эпохи. Это очевидно на примере любого значимого труда как итальянской, так и русскоязычной советской историографии, в арсенал которых было введено вполне мифологизированное и антропоморфизированное понятие класса и правящего класса (в итальянском варианте термины звучат как *classo* и *classo dirigente*).

Достаточно констатировать, что понятие класса очень вольно и широко использовалось в той историографической среде, где изначально фактологическая, детализированно описательная история развилась до высокого предела, чтобы задаться вопросом как могла возникнуть сильная зависимость такой историографии от идеологических доминант и мифологизации терминов и понятий?

Частично, думается, это объясняется сильным взаимодействием поля науки и поля политики, которое наблюдалось и в Италии, и в России, причем не только в период коммунистической или фашистской

⁴ Вжосек. 2010. См. также: Вжосек. 2008. С. 189–191.

диктатуры, но и в преддверии их, а также и в моменты либерализации. С другой стороны, сам груз так называемой фактологии, т.е. необработанной описательной информации, укреплял колею зависимости от мифотворчества и попыток вписать то, что принимается за объективные данные в более широкий контекст (виртуальность которого плохо от-refлексирована, потому, что не от-refлексирована условность и виртуальность составляющих контекста, так называемых данных).

Другой попыткой соединения груза накопленных данных с инновациями в технологии исследования являлись количественные методы – последний из крупных рационалистических интеллектуальных проектов в области гуманитарных дисциплин XX века. Наконец, большой интерес к средним векам и стремление опробовать именно в рамках медиевистики новейшие методы исследования показывают, насколько значим медиевализм и для фашистской, и для либеральной, и для коммунистической идеологий. В историографии обеих стран ключевую роль играли вопросы истории средневекового периода, по тенденциозной мысли исследователей, связанные с «преодолением» феодально-сеньориального. Это, прежде всего вопрос об общине (коммуне) как основе общественного развития итальянских земель на протяжении их истории.

Основы итальянской школы историографии XX века заложил тренд экономико-юридических исследований. Виднейшими представителями этого направления были историки Джоаккино Вольпе и Ромоло Каджезе. Естественно, история коммун как история определенного города или края изучалась эрудитами, знатоками древностей и архивов на протяжении многих веков. Этот этап позволил осуществить комментированные публикации важных как для изучения социальной истории, так и для истории права источников⁵. Аналитическая история, проблемный подход формировался в Италии лишь к 80–90-ым гг. XIX в., хотя краеведческий и историко-правовой характер литературы по-прежнему преобладал. Поскольку марксизм к этому времени стал если не влиятельным, то весьма модным интеллектуальным течением и приобрел себе в Италии таких харизматических сторонников, как А. Лабриола, то неудивительно, что и в области изучения коммун проявилось такое направление, которое в современной историографии принято считать марксистским. Я имею в виду «школу экономическо-юридических исследований» (*scuola economica giuridica*), к которой принадлежит творчество таких историков, как Джоаккино Вольпе, Ромоло Каджезе, Гаэтано

⁵ Выделим из исследований раннего периода развития историографии общий труд по истории коммун южной Италии XII–XIX вв.: *Faraglia*. 1883.

Салвемини, Джино Луццато. Несмотря на встречающиеся (особенно в англоязычной литературе) эпитеты «вульгарный марксизм» или «твердый марксизм»⁶, можно смело сказать, что это было творческое направление аналитической исторической мысли.

Вопрос о начальных этапах средневекового развития городской общины, на мой взгляд, служит индикатором появления проблемно-исторического исследования по итальянской медиевистике. Несомненно, Дж. Вольпе был одним из первых историков, достаточно смелых в выводах, чтобы высказать тезис о новационном характере средневековой коммуны. Тезис этот не был представлен голословно, ему сопутствовала большая работа над источниками, свидетельствующими о конкретных формах воплощения новых принципов объединения. При этом ни сам исследователь, ни экономико-юридическая школа, к которой он принадлежал, ни в коей мере не грешили модернизацией исторических реалий и не пытались представить коммунальное движение в качестве буржуазной революции⁷. Фундаментальный труд историка Р. Каджезе, современника и единомышленника Вольпе, по истории сельской коммуны также полон идей о новационном характере процесса, который вел к консолидации жителей округа, как простолудинов, так и нижнего слоя привилегированной группы (*valvassori*). При этом коммунальное движение отнюдь не воспринималось как буржуазная революция в среде итальянских специалистов начала XX века.

Обращение к работам данных историков до сих пор является подспорьем для серьезного ознакомления с темой коммун, а не просто данью уважения к историографическим изысканиям прошлого. Справедливо мнение, что краткая работа Вольпе о происхождении и развитии итальянских коммун служит отправной точкой в современной историографии коммун⁸, но то же утверждение, на мой взгляд, применимо и к весьма пространному труду Каджезе по истории сельских коммун⁹. Возможно, именно масштабность публикации Каджезе помешала работе стать столь же читаемой и цитируемой, каким явился очерк Вольпе, как бы блестящее введение к так и не написанной книге. Естественно, опубликованную век назад работу использовать необходимо с осторожностью¹⁰, но это

⁶ См. например характеристику Дж. Ларнера: *Larner*. 1991. P. 8.

⁷ *Volpe*. 1961. P. 85–118.

⁸ *Coleman*. 2002. P. 376.

⁹ *Caggese*. 1907-1909. Vol. 1–2.

¹⁰ Тезис, прозвучавший из уст известного историка Дж. Ларнера (to be used with some caution), пристрастно относившегося к экономико-юридической школе: *Larner*. 1991. P. 180.

замечание, по большому счету, применимо к любому произведению историка. Из современных работ по смелости поставленных вопросов (но не по масштабам исследования) с трудом Каджезе может сравниться только блестящая монография Криса Уикхема¹¹.

Каждый из упомянутых ученых, пришедших в историческую науку с рубежа XIX–XX вв., – яркая личность, полнос притяжения, заслуживающий особого исследования, и, более того, такие работы, посвященные творчеству и Вольпе, и Каджезе, очень многочисленны.

Наше исследование, однако, посвящено не только рассмотрению особенностей школы историографии как сообщества интеллектуалов, но и как творцов континуитетного образа исторической науки в целом, и как влиятельного института в том смысле слова, который используется для обозначения «зависимости от пройденного пути».

Не трудно доказать, что деятельность интеллектуальной группы, во главе которой находились Каджезе и Вольпе, и ее историографическое наследие отражались очень продолжительное время – вплоть до 1970-х – начала 1980-х гг. – в характере развития исторических исследований (прежде всего исследований по медиевистике) в Италии, и, как это ни парадоксально, в России времен советского марксизма. Простое количество ссылок и прямого цитирования данных авторов и в Италии, и в советской России столь велико, что других доказательств не требуется.

При этом мы будем исходить из того положения, сформулированного Пьером Бурдьё, что «в отличие от поля массового производства, которое подчиняется закону конкурентной борьбы за завоевание как можно более обширного рынка, поле ограниченного производства стремится *самостоятельно* создавать свои нормы производства и критерии оценки своей продукции, оно подчиняется закону конкурентной борьбы за чисто культурное признание со стороны коллег, являющихся одновременно клиентами и конкурентами».

В этой связи нельзя не упомянуть некоторые дискуссионные моменты и прямые противоречия доминант творчества Вольпе и Каджезе (вплоть до прямого интеллектуально-критического диалога и взаимного рецензирования). В плане же создания стереотипов историографии городской общины и сельской общины, заложенных соответственно Вольпе и Каджезе как континуитетные доминанты медиевистики XX века, эти партнеры-соперники оказались равнозначно влиятельными.

С другой стороны, в отличие от историографии собственно националистического характера фашистского периода, с присущей такой на-

¹¹ Wickham. 1998.

циональной историографии отличительной чертой – использованием медиевализма, провозглашавшего, в частности, извечный характер общины (коммуны) как предтечи общегосударственной фашистской общины, либеральная историография, представленная поколением Вольпе и Каджезе, не наделяла антропоморфными характеристиками нацию и даже не допускала натурализации, антропоморфизма в описании таких категорий как классы и коммуны.

Представляет особый интерес изучение взаимодействия дискурса указанной школы исторических, юридических и экономических исследований, ориентированных на обособленную интеллектуальную группу, с полем науки периодов тоталитарного режима, в тот момент, когда историческое описание призвано к широкому и популярному изложению. Следует констатировать, что влияние этой либеральной и условно марксистской группы интеллектуалов, как на историков-медиевистов фашистской Италии, так и Советского Союза, было весьма велико.

Новый этап взаимодействия поля науки и поля политики, начавшийся примерно в 1960-е гг., потребовал в чем-то принципиально нового, а в чем-то сохраняющего традиции, метода исторического исследования. Этим ответом на вызов современности стала клиометрия – по форме объективно-научное исследование, в то же время позволяющее сохранить в арсенале историков такие мифологемы как класс и формация. В этот период совершенно не случайно, а закономерно актуализировалась проблема источниковедения массовых исторических источников и применение количественных методов в их исторической критике и обработке информации. Именно эти новационные аспекты развития исторической науки 1970 – середины 1980-х гг. (изначально в лучшем столичном вузе страны, а затем и повсеместно в СССР) не просто дали прорыв в области междисциплинарных исследований, но изменили сам образ науки. Это и было посылом создателей новой парадигмы исследования – представить новый образ «истории как науки». Данный образ гуманитарного исследования в рамках европейских и особенно американских университетских субкультур уже сложился как не просто приемлемый, но и предпочтительный. Тем самым, путем развития клиометрии в СССР решалась еще одна задача – задача интеграции советской науки в мировую, и задавался образец для подражания столице в провинции, ставилась планка нового стандарта отечественной гуманитарной науки. Все это позволяет сказать, что развитие клиометрии и исторической информатики играло особое поле в структуре коммуникации.

Формирование и развитие такого направления как изучение массовых исторических источников в МГУ прежде всего связано с деятель-

ностью научного коллектива кафедры источниковедения отечественной истории исторического факультета Московского университета, возглавляемой академиком Иваном Дмитриевичем Ковальченко, а также его учеников и последователей. И.Д. Ковальченко был основателем особого направления в отечественной историографии – применения количественных методов в исторических исследованиях, разработки и использования методик количественного анализа и ЭВМ историками.

Еще с середины 1960-х – начала 1970-х гг. И.Д. Ковальченко выступал с научными докладами и статьями, посвященными проблемам применения математических методов и ЭВМ к обработке и анализу исторических источников¹². В защищенной им в 1965 г. докторской диссертации блестяще была продемонстрирована значимость применения ЭВМ и количественных методов при обработке комплекса массовых данных, содержащихся в подворных переписях крестьянских дворов первой половины XIX в. для исследования механизмов процесса расчленения крестьянства, социальной динамики крестьянских дворов.

Итоги этого исследования опубликованы в качестве монографии «Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в.»¹³, которая впоследствии была удостоена премии имени Б.Д. Грекова. Дальнейшая разработка методологии количественного анализа и компьютерных технологий обработки исторических источников, эффективность их применения в исторических исследованиях убедительно представлены в творческом наследии И.Д. Ковальченко, в монографических исследованиях всероссийского аграрного рынка, помещичьего и крестьянского хозяйства России конца XIX – начала XX в., написанных в соавторстве с коллегами и учениками.

Научно-организационная деятельность И.Д. Ковальченко сыграла особую роль в становлении и развитии применения количественных методов в исторических исследованиях и в создании в конце 1960-х гг. Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории АН СССР, бессменным председателем которой являлся Иван Дмитриевич.

И.Д. Ковальченко было введено в методологический арсенал источниковедения понятие *массовый исторический источник* – как основа выявления закономерностей изучаемых явлений и процессов. Определение массового исторического источника Ковальченко тесно связано в онтологическом аспекте с типологией исторических явлений (массовые и инди-

¹² См.: Ковальченко. 1964.

¹³ Ковальченко. 1967.

видуальные), а в гносеологическом – с системным подходом к изучению исторической реальности и методологией структурно-количественного анализа подобного рода исторических источников¹⁴.

Коллективом авторов под руководством И.Д. Ковальченко был решен ряд проблем, связанных с использованием математических методов при работе с не полностью сохранившимся историческим материалом. В такой ситуации, когда историку приходится иметь дело с так называемыми «естественными выборками», то есть с не полностью сохранившимися или ограниченно доступными комплексами данных, которые характеризуют лишь некоторую часть всей совокупности изучаемых объектов, он не может опираться на такие строгие математические методы при обосновании их репрезентативности как выборочный метод. Однако и в этом случае можно использовать точные методы проверки репрезентативности «естественных выборок». Эту задачу Ковальченко рассматривал как актуальную применительно к таким комплексам массовых статистических данных по аграрной истории России как выборочные земско-статистические обследования крестьянского и частновладельческого хозяйств, подворные списки заемщиков Крестьянского банка, первичные материалы сельскохозяйственных и поземельных переписей (1916 и 1917 гг.). Ковальченко применял методики установления существенности различия средних и дисперсий по соответствующим признакам для решения вопроса о принадлежности выборочных данных по крестьянскому хозяйству (размерам наделов, относящихся к различным территориям) к одной генеральной совокупности, т.е. о возможности объединения нескольких выборок. Применение строгих количественных данных возможно и для проверки того, в какой мере случайным является варьирование признака в «естественной выборке», с помощью критерия знаков, серий. Поскольку такое варьирование, как правило, имеет место в случайных выборках, то применение подобной процедуры является способом установления случайности «естественных выборок», а следовательно и их репрезентативности.

Другим важным аспектом источниковедческой критики является установление достоверности исторических данных. Применительно к статистическим данным была разработана и апробирована методика выявления сопряженности, пространственной и временной взаимосвязи данных, характеризующих структуры социально-экономических объектов и явлений, основанная на системном подходе. Известно, что традиционным способом установления достоверности является установление истории

¹⁴ Ковальченко. 1979 (а).

происхождения данных, техники и программы сбора данных, сравнение их с данными сопоставимых источников. В том случае, когда нет достаточной информации в этом плане, весьма затруднительно констатировать достоверность (или недостоверность) имеющегося единственного комплекса источников по той или иной проблеме, либо отдать предпочтение одному как более достоверному из источников, содержащих аналогичные сведения. При анализе массовых статистических источников по аграрной истории России И.Д. Ковальченко исходил из того положения, что всякий процесс сельскохозяйственного производства, как подсистема аграрного, социально-экономического, вообще исторического развития, имеет свою пространственно-временную структуру, то есть его компоненты находятся в определенных взаимосвязях и взаимодействии. В тех случаях, когда характер этих взаимосвязей может быть выявлен на основе качественного, содержательного анализа, показатели, измеряющие эти взаимосвязи, могут дать ответ на вопрос, в какой мере имеющиеся данные, достоверность которых выясняется, «вписываются» в данную структуру. Тем самым может быть установлена достоверность этих данных.

Именно так была установлена достоверность данных о наемной рабочей силе, содержащихся в переписи 1897 года и материалах Комиссии 16 ноября 1901 г. Было доказано, что сведения переписи 1897 года о сельскохозяйственных наемных рабочих, несмотря на неполноту, отражают сравнительную степень применения наемного труда в различных губерниях, а данные Комиссии Центра, верно показывая общее число занятых в сельском хозяйстве наемных рабочих, пропорциональность распространения их по губерниям не раскрывают. Правильность этого заключения была проверена путем выявления связей между данными об обеспеченности наемными рабочими, содержащимися в указанных источниках, с рядом других показателей социально-экономического развития на основе вычисления коэффициентов корреляции. Введение сведений указанных двух источников о найме в систему других данных социально-экономического развития России этого периода позволило доказательно решить вопрос о достоверности сведений переписи о наемных сельскохозяйственных рабочих как показателе распространения наемного труда, а предложенная методика оказалась эффективной и для решения проблемы достоверности в других случаях¹⁵.

Комиссия, возглавляемая И.Д. Ковальченко, осуществляла подготовку серии материалов, посвященных опыту разработки и применения количественных методов в исторических исследованиях, анализа и об-

¹⁵ См.: Ковальченко. 1979 (б).

работки массовых исторических источников, в частности. Так, в 1970–1990 годы в издательстве «Наука» были выпущены восемь сборников серии «Математические методы в исторических исследованиях».

Следует отметить особую роль в становлении этой серии изданий И.Д. Ковальченко, как ответственного редактора, а также членов редакционной коллегии и авторского коллектива первых изданий – Ю.Л. Бесмертного, Л.М. Брагиной¹⁶, которые затем проявили интерес к применению методов научной информатики, каждый в своей специализации – соответственно, в средневековых и ренессансных исследованиях, и которые поддерживали оживленные контакты с европейскими коллегами. Самостоятельным, параллельным путем развивались исследования В.В. Самаркина, имевшего персональные контакты с зарубежными итальянистами. Отметим, что роль Самаркина в освоении количественных методов и в контактах с итальянскими историками была особенно велика. Он не просто был осведомлен о методиках и результатах ведения проекта «Тосканцы и их семьи по материалам налоговых кадастров», но и получил прямой доступ к описанному банку данных и смог работать с ним по собственной методике (к сожалению, безвременная кончина исследователя прервала этот труд). Однако и на этом примере можно констатировать, что итальянская и советская школы историографии могли взаимодействовать в системе сообщающихся сосудов, благодаря некоторым общим характеристикам и доминантам развития.

В истории итальянских земель и центров период создания массовых источников произошел значительно раньше, чем на российской почве: в Италии – это XIV–XV вв., а в России XVIII–XIX, по некоторым темам – начало XX в. Однако и здесь, и там это был переломный период развития, выход из системы старого порядка в деревне, изменение основ того, что в обеих историографических школах тогда определялось как система феодализма в деревне и время зачатков индустриализации в городе.

Итальянский расцвет клиометрии также был связан с подъемом экономической истории, которому способствовал фундамент юридическо-экономических исследований рубежа XIX–XX вв. Не случайно эти исследования с применением математических методов и машиночитаемых данных также имели примесь юридических сюжетов – первые массовые источники, подвергшиеся обработке, были кадастрами, т.е. налоговыми списками, которые, тем не менее, могли предоставить самые разнообразные сведения о жизни тосканцев и особенностях их семей:

¹⁶ См.: Математические методы... 1977.

например, отношение к возрасту, его символическое восприятие и значение для социального положения.

В частности, при изучении Тосканского кадастра коллективом авторов в составе К. Клапиш-Зубер и Д. Херлихи было установлено специфическое правило: молодые мужчины стремились указать возраст, максимально близкий тридцати или на два-три года больше. Смысл этого проясняется, если учесть, что именно в 30 лет открывались возможности для замещения ряда должностей высшей коммунальной администрации. Очень распространено было «состаривание» в мужских возрастных группах от 20 до 30 лет, а также в группе зрелого возраста, причем сразу не меньше, чем на пять лет, – символическое восприятие возраста и восприятие кратного пяти или десяти как гармонии играло свою роль. Вместе с тем «округление» возраста обнаруживает позитивную корреляцию с возрастной группой и имущественным положением (особенно в городе). Монография Д. Херлихи и К. Клапиш-Зубер занимает особое место вовсе не в силу уникальности и масштабности источника, составляющего его основу (как об этом иногда пишут) – источник вполне типичен для Италии изучаемого периода, – а в силу подходов к анализу экономических и юридических вопросов, акцентировки не только демографических процессов, но и демографического массового поведения, при сохранении некоторых традиционных для итальянской историографии черт.

По тем же соображениям эта методика исследования привлекла и советского медиевиста, вполне идеологически выдержанного в духе поздней советской эпохи и даже активно проявившего себя «по партийной линии», как тогда говорили. Кандидатская диссертация В.В. Самаркина «Город и деревня в Северо-Восточной Италии XII–XIV вв.» (1964) и ряд последующих работ были посвящены актуальной в медиевистике проблеме взаимоотношений города и деревни Италии XII–XIV вв. Одним из первых советских историков западного средневековья он ввел в научный оборот ценные архивные материалы, изучив их в период своей стажировки в Италии в 1961 г.

Таким образом, тематика взятая из одной научной и социокультурной среды легко перетекала на новую почву, подготовленную рядом схожих тенденций и зависимостей.

Общий интерес к новым методикам явился результатом поиска рационального способа справиться с накопленным грандиозным массивом первичных данных. Другим выходом был бы путь полной смены парадигм, это еще достаточно долго не могло произойти вследствие зависимости от пройденного пути и идеологического климата, а главное – благодаря успехам, которые были достигнуты в рамках описанных методик.

С угасанием перспектив развития клиометрии и экономической истории в каждой из стран – в России и в Италии, сходным образом и почти синхронно (с небольшим отставанием России), активизировались вопросы изучения истории менталитета, интеллектуальной истории, произошел так называемый перформативный поворот.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Caggese R.* Le classi e comuni rurali nel medioevo italiano. Firenze, 1907–1909. Vol. 1–2.
- Coleman E.* The Italian communes. Recent works and current trends // *Journal of Medieval History*. 2002. Vol. 28. N 4.
- Faraglia N.F.* Il comune nell'Italia meridionale 1180–1806. Napoli, 1883.
- Larner Jh.* Italy in the age of Dante and Petrarch 1216–1380, 4 ed. L., 1991.
- Ottokar N.* Il commune// *Enciclopedia italiana*. Vol. 11, Torino.1931. Repr. in: *Studi comunali e fiorentini*. Firenze, 1948.
- Volpe G.* Questioni fondamentali sull'origini e primo svolgimento dei comuni italiani / *Medio evo Italiano*. 2nd ed. Firenze, 1961. P. 85–118. (3 ed. – Roma, 1992).
- Wickham C.* Community and clientele in twelfth century Tuscany. The origins of rural commune in the plain of Lucca. Oxford. 1998.
- Вжосек В.* Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // *Диалог со временем*. 2010. Вып. 30. С. 5–13.
- Вжосек В.* Историография как носитель национальной (националистической) идеи // *Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научно конференции / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 189–191.*
- Ковальченко И.Д.* О применении математических методов при анализе историко-статистических данных // *История СССР*. 1964. № 1. С. 13–19.
- Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1967. 398 с.
- Ковальченко И.Д.* Задачи изучения массовых исторических источников // *Он же. Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма*. М., 1979 (а).
- Ковальченко И.Д.* Статистика сельскохозяйственного производства // *Он же. Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма*. М., 1979 (б).
- Котельникова Л.А.* Итальянское крестьянство и город в XI–XIV вв. (по материалам Средней и Северной Италии). М.: Наука, 1967. 366 с.
- Котельникова Л.А.* Феодализм и город в Италии в VIII–XV вв. М.: Наука, 1987. 256 с.
- Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях*. М., 1977.
- Торстендаль Р.* Возвращение историзма? Нео-институционализм и «исторический поворот» в социальных науках // *Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы*. Сб. статей / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 343–354.
- Селунская Надежда Андреевна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; liquidmodernity@gmail.com